

*Кристиана
Дерош-Ноблькур*

В
Л
А
Д
Ы
К
И
М
И
Р
А

ТУТАНХАМОН

Сын Осириса

Кристиана Дерош-Ноблькур
Тутанхамон. Сын Осириса

«Центрполиграф»

2010

Дерош-Ноблькур К.

Тутанхамон. Сын Осириса / К. Дерош-Ноблькур —
«Центрполиграф», 2010

Оригинальное беллетризованное жизнеописание Тутанхамона, юноши-фараона, чье правление было кратковременно, но невысказанно пышно, а таинственная гибель окружена легендами и научными парадоксами. В книге повествуется о нравах и обычаях Древнего Египта, а также о людях этого государства, о религиозных обрядах, противоборстве двух религий, придворных интригах, тайнах дипломатии и обо всех сторонах жизни царственной четы.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кристиана Дерош-Ноблькур Тутанхамон. Сын Осириса

Предисловие

Этой книге суждено занять достойное место среди тех откровений, которые время от времени являет нам история, приподнимая на мгновение свой покров и открывая нашему взору некоего исторического персонажа или значительный эпизод из жизни человечества.

Что может будоражить воображение сильнее, чем погребальные сокровища легендарного юного царя Тутанхамона, чье царствование было кратким, но пышным?

Удивительный факт обнаружения этих сокровищ англичанами, Картером и Карнарвонем, стал вехой в истории египтологии и сам по себе столь же поразителен (хотя и не столь значим), как расшифровка иероглифов Шампольоном, гений которого вернул нам несколько тысячелетий нашей истории, придав смысл оставленным ими свидетельствам. Если благодаря Шампольону мы смогли понять письменные источники и систему верований эпохи фараонов, открытие англичан дало нам возможность увидеть воочию все те вещи, которые сопровождали молодого бога-царя в его роскошной жизни полубожества.

После сорока лет изучения и тщательной и осторожной консервации эти артефакты вновь предстали взорам изумленного мира. Теперь мы сможем составить точное представление о том, как выглядели гробницы египетских фараонов, ибо захоронение Тутанхамона – единственное – дошло до нас через три тысячи лет практически в первозданном виде.

Я имел честь, будучи министром культуры Объединенной Арабской Республики, внести посильный вклад в эту исключительную работу. Я весьма доволен результатами, ибо, когда речь идет об исследовании сокровищ Тутанхамона, едва ли найдется специалист, более сведущий в вопросах искусствоведения и археологии, чем мадам Кристиана Дерош-Ноблькур. Она – один из ведущих египтологов. Ее книги, работа в Лувре, проведенные ею раскопки в Верхнем Египте, так же как и ее деятельность в качестве специального консультанта ЮНЕСКО при моем правительстве, – все это говорит о Кристиане Дерош-Ноблькур как о заслуживающей глубокого уважения наследнице великих традиций ее прославленных предшественников на ниве египтологии.

Я оказывал ей всевозможную помощь, отдавая должное не только ее решимости продолжить работу Мариетт Паша, но и той искренней симпатии, с которой она относится к Египту – во все периоды его истории.

Сарват Окаша

Посвящается лорду Карнарвону и Говарду Картеру, которые вернули к жизни фараона Тутанхамона и возвратили человечеству страницу его истории

Ни в каком другом случае искушение написать роман вместо исторического исследования не возникает столь отчетливо, как здесь; вот почему, работая со всеми этими документами, следует быть вдвойне осторожным.

Уолтер Вольф.

Два доклада по истории XVIII династии

Мой ум не настолько робок, чтобы отвергать существование таинств. Однако я остерегаюсь тех, кто открыто признает их и живет

*ими; тех, кто, поднеся палец к губам своим, заставляет говорить о себе
как об избранниках Божьих, держа в неведении непосвященных.*
Я. Сезар. Жак де Бурбон Бюссэ

Глава 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

Дань благородного человека пропавшему фараону

Ровно сто лет разделяют год рождения египтологии и дату удивительного открытия гробницы Тутанхамона.

22 сентября 1822 г. Жан-Франсуа Шампольон-младший написал свое знаменитое *Letter à Monsieur Dacier, secrétaire perpétuelle de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques* (Письмо монсеньору Дасье, постоянному секретарю Королевской академии, касательно алфавита фонетических иероглифов). В тот день была перевернута первая страница великой книги Древнего Египта, которая около двух тысяч лет оставалась тайной за семью печатями и в конце концов была прочитана.

25 ноября 1922 г. был извлечен первый камень из стены, закрывающей вход в гробницу Тутанхамона, и исследователи – лорд Карнарвон, его дочь, леди Эвелин Герберт, и Говард Картер – увидели роскошнейшее погребение, по своему великолепию и по сей день не имеющее себе равных.

Едва зародившись, египтология стала одной из популярных научных дисциплин. Ученые по крупицам собирали сведения о том, как жили люди на берегах Нила четыре тысячи лет назад: об их обычаях, древних как мир, и повседневных занятиях, о философских проблемах, о социальных реформах и военных кампаниях – словом, обо всем том, что позволило воссоздать облик исчезнувшей цивилизации.

Откуда мы черпали свои знания? Источником их стали археологические раскопки, проводившиеся под эгидой Египетской службы древностей, и исследования храмов и гробниц, символизировавших бессмертие и могущество богов, фараонов и народов долины Нила. Развалины городов, погребенные под вековыми песками, были волнующими свидетельствами минувшего, так же как и артефакты из первой египетской коллекции, собранной в ходе военной экспедиции Бонапарта, и замечательное «Описание Египта», опубликованное между 1809-м и 1816 г., – плод работы ученых, сопровождавших императора в походе.

Среди множества династий, царей, монументов и колоссов Тутанхамон предстает незаметной, неясной фигурой. Среди весьма ограниченного количества артефактов, связанных с его именем, наибольший интерес представляют два монумента, указывающие на то, что, по своей воле или под давлением обстоятельств, Тутанхамон вынужден был восстановить официальный культ династического бога Амона, отмененный фараоном Тель-эль-Амарны Аменхотепом IV – Эхнатоном, при дворе которого Тутанхамон провел свое детство. Это был один из наиболее привлекательных периодов египетской истории – эпоха Солнечного Диска, Атона. В этих двух монументах нашла отражение та неукротимая ненависть, которую пришлось испытать на себе молодому фараону. Из надписи на стеле мы узнаем о реставрации фиванского культа и храмов: пытаясь упрочить свои позиции, Тутанхамон поддался уговорам и распорядился открыть и восстановить заброшенные святилища, в первую очередь – святилища Амона. И на стеле уже не стояли имена прежнего царя – их заменили имена фараона Хоремхеба.

Другим свидетельством состоявшегося примирения Тутанхамона с фиванским Амоном служит великолепная статуя, высеченная из черного гранита, вошедшая в луврскую коллекцию незадолго до обнаружения гробницы. Фараон стоит перед сидящей фигурой верховного божества. Руки бога, голова и руки фараона отбиты, имена стерты – таковы вполне наглядные доказательства той ненависти, которую Тутанхамон вызывал у своих врагов. Хотя у скульптуры

фараона голова отбита, мы, тем не менее, можем увидеть идеализированный, но вполне узнаваемый его портрет, глядя на лицо Амона, ибо в антропоморфных изображениях египетские боги весьма походили на своего «возлюбленного сына» или на свое земное воплощение. Лицо божества очень напоминает лицо Тутанхамона, знакомое нам по статуям в Карнаке и барельефам Луксора, которые были присвоены Хоремхебом.

В те времена, когда Говард Картер, археолог, воодушевленный своими находками в Долине царей, попытался, заручившись моральной и материальной поддержкой лорда Карнарвона, отыскать гробницу Тутанхамона, об этом фараоне ученые практически ничего не знали.

Ни одна из раскопанных к тому моменту усыпальниц не сохранилась в целости, Долина царей принесла археологам сплошные разочарования. Однако исследователи по-прежнему не теряли надежды превзойти своих предшественников, сэра Гастона Масперо, Лоре, Навилля и Теодора Дэвиса. Они были вознаграждены за упорство, когда настойчивость и опыт Говарда Картера в сочетании с дальновидной щедростью лорда Карнарвона позволили ученым преодолеть все преграды, охранявшие последнюю земную обитель Тутанхамона от всех грабителей, рождавшихся на свет в течение трех тысяч двухсот шестидесяти пяти лет.

Открытие египтологов мгновенно стало мировой сенсацией. Сообщения о богатствах, сокрытых в нескольких небольших помещениях, едва ли способных их вместить, вызывали восторг и изумление. По мере того как археологи расчищали и исследовали новую гробницу в Долине царей, в ней, как в пещере Али-Бабы, обнаруживались все новые и новые бесценные сокровища. Чем ближе исследователи подходили к саркофагу, тем более точными и фантастическими становились их описания.

Как и следовало ожидать, сенсационность находок породила многочисленные проблемы. Надо было четко организовать работу и наладить охрану. Дополнительные средства требовались и на то, чтобы содержать вынесенные из гробницы находки в соответствующих условиях. Однако лорд Карнарвон вскоре умер, и за этим последовали и другие трудности: трения с правительством, законное и настоятельное требование Картера обеспечить ему возможность работы и, конечно, неизбежные издержки славы. Толпы журналистов и просто любопытных со всех континентов буквально не давали археологам вздохнуть, а всевозможные повседневные дела, возникавшие у рабочих, тормозили раскопки. Только тот, кто жил в археологическом лагере в подобном климате, может по достоинству оценить заслуги экспедиции Картера и понять его требования, которые порой кажутся слишком жесткими.

Картер и его люди совершенно измучились, ибо им, помимо своих прямых обязанностей, приходилось выступать в роли гидов у разных знаменитостей и сдерживать напор зрителей, устремившихся, словно на модное шоу, к гробнице фараона. Каждый из них хотел увидеть все и чувствовал себя глубоко оскорбленным, если археологи встречали его не слишком приветливо и не спешили продемонстрировать обнаруженную, но еще не откопанную, самую последнюю находку. Все желали попасть вниз и осмотреть стены с именами фараонов. Всем хотелось побывать в гробнице, где в течение тысячелетий обитал некий таинственный дух.

Просьбы, мольбы, требования, протесты, вмешательство властей, нападки прессы... – что только не выпало на долю ученых. Но шум со временем стих, и осталась всемирная слава, выпавшая на долю Тутанхамона. Имя этого малоизвестного правителя оказалось связанным с тайной фараонов, с легендой о сказочных сокровищах, оказавшихся вдруг реальными, и – для многих – с мифом о возмездии, поводом к которому стала история открытия гробницы, судьба юного царя и слава грозных магов и мудрецов Древнего Египта.

Раскопки и работы внутри гробницы были завершены к 1928 г.; без малого шесть лет ушло на то, чтобы вынести наружу и описать каждый предмет из наиболее полного и обширного на сегодняшний день комплекта погребального инвентаря. В Каирском музее была создана постоянная экспозиция. Без малого десять лет потребовалось на то, чтобы подготовить

первый сводный каталог «Гробница Тутанхамона» (т. 1. Говард Картер и А.С. Мейс (1923); т. 2 и 3. Говард Картер (1927, 1933).

Безусловно, столь уникальную коллекцию нельзя было разбивать на части, и Пьер Лако, генеральный директор Службы древностей, невзирая на сильную оппозицию, разумно решил оставить ее в Египте. Со своей стороны правительство Египта полностью возместило вдове лорда Карнарвона расходы, связанные с археологическими раскопками в Долине царей.

Ни азарт поиска, ни романтическая история открытия, совершенного, когда срок действия лицензии на проведение раскопок уже почти истек, ни фантастические богатства не стерли из памяти людей связанную с этим трагедию. Через несколько месяцев после открытия гробницы юного фараона лорд Карнарвон смертельно заболел. Климат Египта только приблизил конец. В отличие от молодого лорда в книге Теофила Готье «Роман с мумией» лорд Карнарвон в час своего триумфа не мог взглянуть на мумию фараона, с именем которого навсегда окажется связано его имя. С точки зрения падкой на сенсации публики судьба отнеслась к нему несправедливо, даже дерзко. Так почему бы не выдумать невидимого мстителя, ответственного за все неудачи? И почему бы не возложить эту роль на самого фараона? С Египтом, землей таинственного сфинкса, уже были связаны многочисленные фантастические легенды, в которых фигурирует древняя магия. Как тут не вспомнить о надписях, грозящих всеми бедами «живущим, которые осмелятся нарушить покой гробниц!» Разумеется, лорд Карнарвон нарушил великий закон, который запрещает вторгаться в царство мертвых. Потрясенная тень умершего нанесла свой удар, и дерзкий нарушитель был обречен.

А вскоре Жорж Бенедит, глава Департамента египетских древностей в Лувре, умирает после посещения гробницы от сердечного приступа, вызванного удушающей жарой в Долине царей. Вслед за ним смерть настигает еще одного члена экспедиции, Артура Мейса, помощника хранителя Отдела египетских древностей музея искусств «Метрополитен» в Нью-Йорке. Легенда о проклятии надолго овладевает умами. Тем не менее другие исследователи, причастные, так или иначе, к открытию гробницы, ничуть не пострадали. В частности, Говарда Картера возмездие, по-видимому, не настигло – он умер 2 марта 1939 г. Из тех, кто дожил до Второй мировой войны и пережил ее, можно назвать А. Лукаса, директора химической лаборатории Службы древностей правительства Египта, через руки которого прошли почти все экспонаты; Гарри Бартона, фотографа, которому мы обязаны бесчисленными и прекрасными снимками гробницы; Р. Энгельбаха, старшего инспектора древностей и впоследствии директора Каирского музея; д-ра Дерри из Каирского университета, изучавшего мумию фараона; Жана Капара, которому выпала честь продемонстрировать недавно обнаруженные сокровища бельгийской королевы Елизаветы, и Густава Лефевра, члена Института Франции (в то время служившего старшим куратором в Каирском музее и подготовившего постоянную экспозицию в том виде, в каком мы видим ее сегодня), скончавшегося в 1957 г. Стоит упомянуть также бригаду, трудившуюся на раскопе, в состав которой входили А.Р. Каллендер, помощник Картера, Халл и Хаузер. Наконец, Чарльз Кунц, Пьер Лако, Бернар Бруэр и сэр Алан Гардинер – все они присутствовали при открытии гробницы или активно участвовали в последующих работах: оценивали находки или занимались расшифровкой надписей и т. п. Хотя троим последним далеко за восемьдесят, они по-прежнему активно трудятся в области египтологии.

Время от времени истории о мести Тутанхамона вытесняют с первых полос бульварных газет рассказы об очередных проделках лохнесского чудовища. Призрак давно скончавшегося фараона является к какому-нибудь чувствительному коллекционеру в ужасном обличье. Как же избавиться от проклятия фараона? Поскольку артефакт, который является причиной наваждения, некогда принадлежал фараону, то принадлежать никому другому он уже не может, и единственное правильное решение состоит в том, чтобы отдать эту вещь на хранение какому-либо музею. Сотрудники знаменитых музеев исследуют довольно много подобных поступлений: безобидных камешков с иероглифами или фрагментов деревянного саркофага – эти

пережитки суеверия, неистребимые и в наш просвещенный век. Кстати, гибельные артефакты нередко оказывались банальной подделкой.

Однако если эти мистические истории, состряпанные после обнаружения сокровищ, едва ли стоит воспринимать всерьез, все же нельзя оставить без внимания два любопытных и единственных в своем роде инцидента, о которых мне поведал сын лорда Карнарвона в Лондоне в июле 1961 г. и в своем фамильном замке Хайклере. Но прежде чем о них рассказать, надо припомнить те обстоятельства, при которых лорд Карнарвон предпринял археологические изыскания в Долине царей и поручил Говарду Картеру руководить работой.

Картер начал свою деятельность в Египте как рисовальщик и в этом качестве сопровождал Перси Ньюберри в Бени-Хасан и Эль-Бершу в 1892 г. Затем он работал с американцем Теодором Дэвисом в районе Фив и готовил рисунки для публикации, в которой сэр Гастон Масперо и П.Т. Ньюберри описывали гробницу тещи и тестя Аменхотепа III, Туи и Юйи. В 1903 г. Картер был назначен инспектором Нижнего и Среднего Египта, а в 1907 г. Масперо представил его лорду Карнарвону, который годом ранее просил разрешение на проведение раскопок в Фивах в Верхнем Египте.

Лорд Карнарвон не был египтологом; принимая решение отправиться в Египет в 1902 г., он руководствовался в первую очередь предписаниями врачей, считавших, что климат этой страны должен поправить его пошатнувшееся здоровье. До того как он попал в серьезную автомобильную катастрофу, лорд Карнарвон прослыл заядлым спортсменом и страстным путешественником; и, как человек с тонким вкусом, воплощал в себе дух подлинной аристократии. Он был исключительно богат, но не сорил деньгами. По совету лорда Кромера он решил субсидировать археологические исследования и с помощью Масперо получил разрешение от Египетской службы древностей на проведение раскопок. Лорд Карнарвон понимал, что руководить работами должен специалист – египтолог, и Картер оказался вполне подходящей кандидатурой. С 1908-го по 1912 г. они исследовали западную часть Фив на левом берегу Нила. Публикация «Пятилетние раскопки в Фивах» (Оксфорд, 1912) представляет собой отчет о первых, весьма обнадеживающих находках. Например, была обнаружена знаменитая деревянная табличка с выведенными тушью иероглифами (с тех пор известная как табличка Карнарвона), на которой описаны войны Камоса, изгнавшего из Египта захватчиков-гиксосов. (В 1954 г. в Карнаке была обнаружена стела, на которой в тридцати восьми строках излагаются дальнейшие события.)

Затем Картер решил произвести раскопки в дельте Нила и избрал для этого Саис. Однако из-за разлива Нила работы не удалось начать раньше апреля; а там пришла жара, и, кроме того, исследователей буквально атаковали полчища кобр. Возможно, именно эти священные змеи поспособствовали тому, что Карнарвон с Картером непосредственно перед Первой мировой войной возобновили раскопки в окрестностях Фив.

Разразившаяся война сильно замедлила работу. Карнарвон не мог приехать в Египет, но Картер был призван на военную службу в самом Египте. Тем не менее в этот период была обнаружена гробница Аменофиса I, которая, к сожалению, оказалась разграбленной, и вторая гробница, предназначавшаяся для принцессы Хатшепсут до ее восшествия на престол. Все это внушало некую надежду. С 1919-го по 1921 г. Картер систематически и тщательно исследовал весь сектор Долины царей между гробницами Меренптаха, Рамзеса III и Рамзеса VI.

Когда до окончания срока действия концессии остались недели, Картера ждало разочарование: в Англии лорд Карнарвон уже перестал верить, что им удастся обнаружить что-либо значительное. Но утром 4 ноября 1922 г., когда последний угол у основания гробницы Рамзеса VI был расчищен до горной породы и полностью удалены остатки хижин рабочих XX династии под входом в туннель, Картер увидел что-то, похожее на ступеньку, вырубленную в камне. За этой ступенькой обнаружились другие; они вели к оштукатуренной каменной стене

с печатями царского некрополя. Прежде чем открыть гробницу, Картер провел все необходимые приготовления. С помощью своего преданного помощника Каллендера он очистил четыре ступеньки и достиг второй стены из каменных блоков, которая тоже была грубо замазана и запечатана царскими печатями. Преодолев шестнадцать ступеней, которые приобрели почти магическое значение, они прочитали на последнем барьере, отделявшем мертвых от живых, имя Небхепуре – Тутанхамон. 6 ноября Картер известил о случившемся лорда Карнарвона, жившего тогда в Хайклере, и тот вместе с дочерью 20 ноября вылетел в Александрию, а 23 ноября уже был в Луксоре. 25 ноября – день, когда из стены, закрывавшей вход в гробницу, был вынут первый камень, Картер вспоминал потом «как самый знаменательный и удивительный день в моей жизни, подобного которому мне уже не пережить». В небольшое отверстие первым заглянул Картер. Карнарвон долго вглядывался в полумрак, рассматривая фигуры животных, статуи и золото.

В огромном парке, окружавшем замок Карнарвонов, я прошлась по ухоженным лужайкам под кедрами и полюбовалась озером и бельведером из белого мрамора. Мне показали ферму с пастбищами, зал в неоготическом стиле, бесценную библиотеку, картины старых мастеров и коллекцию старинной мебели, в том числе письменный стол Наполеона с Эльбы и кресло императора, на подлокотниках которого остались царапины от его ногтей. Ничто в Хайклере не напоминает о египетском приключении его прежнего хозяина; знаменитая коллекция, которую он начал собирать в 1907 г., находится ныне не в Британском музее, а в Соединенных Штатах – такова была воля леди Карнарвон. Ни одной вещи или фотографии, хоть как-то связанных с землей фараонов.

Стоя перед портретом отца, нынешний владелец Хайклера поведал мне трагический эпилог всей истории. Лорд Карнарвон провел Рождество в Англии и, вернувшись в Верхний Египет в начале 1923 г., каждый день посещал Долину царей. В марте его укусил комар и занес инфекцию. Болезнь быстро прогрессировала. Лорд Карнарвон решил вернуться в Каир, где, как надеялись его родные, он сможет получить более квалифицированную медицинскую помощь. Инфекцию удалось побороть, но в конце марта лорд Карнарвон заболел пневмонией. Его сына, лорда Порчестера, служившего в Индии, срочно вызвали в Египет. С того момента как была обнаружена гробница Тутанхамона, все, связанное с лордом Карнарвоном, вызывало у публики жгучий интерес, и весть о том, что он серьезно болен, распространилась с молниеносной быстротой. Мусульманские паломники молились за него, и молодому лорду на его пути из Индии в Египет оказывалась вся возможная помощь.

Лорд Порчестер прибыл в отель «Континенталь» за несколько часов до смерти отца, последовавшей ранним утром 5 апреля 1923 г., но тот так и не узнал родного сына. Именно тогда имели место два инцидента, о которых упоминалось выше. В отеле «Континенталь» внезапно погас свет и затем вспыхнул сам собой. На следующий день молодой лорд, прибывший с официальным визитом к фельдмаршалу лорду Олленби, узнал, что свет гас не только в отеле, но и повсюду в городе. Лорд Олленби обратился за объяснениями к английскому инженеру, в ведении которого находилось городское энергоснабжение, но не получил вразумительного ответа. Второй инцидент связан с собакой, которую лорд Порчестер оставил на попечении отца, когда отплывал в Индию. Собака сильно привязалась к новому хозяину, скучала и жалобно скулила, когда тот уезжал. В ту самую минуту, когда лорд Карнарвон скончался в Египте, собака, находящаяся в Англии, страшно завывала и умерла.

Таковы действительные обстоятельства смерти лорда Карнарвона. Согласно завещанию его похоронили в родовом имении, на вершине Сигнального Холма, где он сам когда-то проводил археологические раскопки, и от его могилы виден замок. Его судьба свершилась в тот момент, когда он решил финансировать археологические изыскания; и проживи он несколькими годами больше или меньше, это ничего бы не изменило – ведь его напарник, разделивший

с ним славу, ждал в тени забвения более трех тысяч лет. Со дня открытия царской гробницы три имени стали неотделимы одно от другого: Тутанхамон, Картер и Карнарвон.

Тутанхамон, доселе никому не известный, мгновенно превратился в мировую знаменитость, хотя его погребальные сокровища, которые, будучи собраны вместе и осмыслены, немало поведали нам об утонченной египетской культуре, а также об обрядах и практиках захоронения, ничего или почти ничего не говорят нам о его жизни и личности. Фараон, сознательно вычеркнутый из истории страны и династии, был возвращен из тьмы забвения, но образ его по-прежнему окутывала тайна. «Произнося имена умерших, ты даешь им новую жизнь, – гласят погребальные надписи. – Тем самым ты вдыхаешь жизнь в того, кто исчез». Толпы молящихся перед любой из гробниц призывали паломников совершить этот обряд. Самым суровым наказанием для преступника была смена имени, таким образом у человека отбирали его «я». Имена врагов и завоевателей никогда не произносили вслух, ибо те не обладали никакими гражданскими правами. Преступники исчезали из этого мира и из кругов вечного мира еще до своей смерти, поскольку их имена предавали забвению. Они превращались в ничто, в пустоту.

Картер и Карнарвон оказали неоценимую услугу юному фараону, которого они спасли от подобной участи, дав ему «новую жизнь», как просили жрецы некрополя.

Ранее уже говорилось о том, что, несмотря на молодость Тутанхамона и краткость его правления, после смерти имя его целенаправленно пытались стереть со страниц истории. Все посвященные ему статуи и монументы, защищенные надежными стенами гробницы, были обезображены или разбиты.

Месть, если уж говорить о мести, могла исходить не от Тутанхамона, а от Амона или, скорее, от сторонников Амона, которые пытались стереть имя Тутанхамона из истории, чтобы он мог умереть во второй раз и погибнуть навсегда. Только найдя инициатора и поняв мотивы этих деяний, можно попытаться воссоздать жизнь молодого царя.

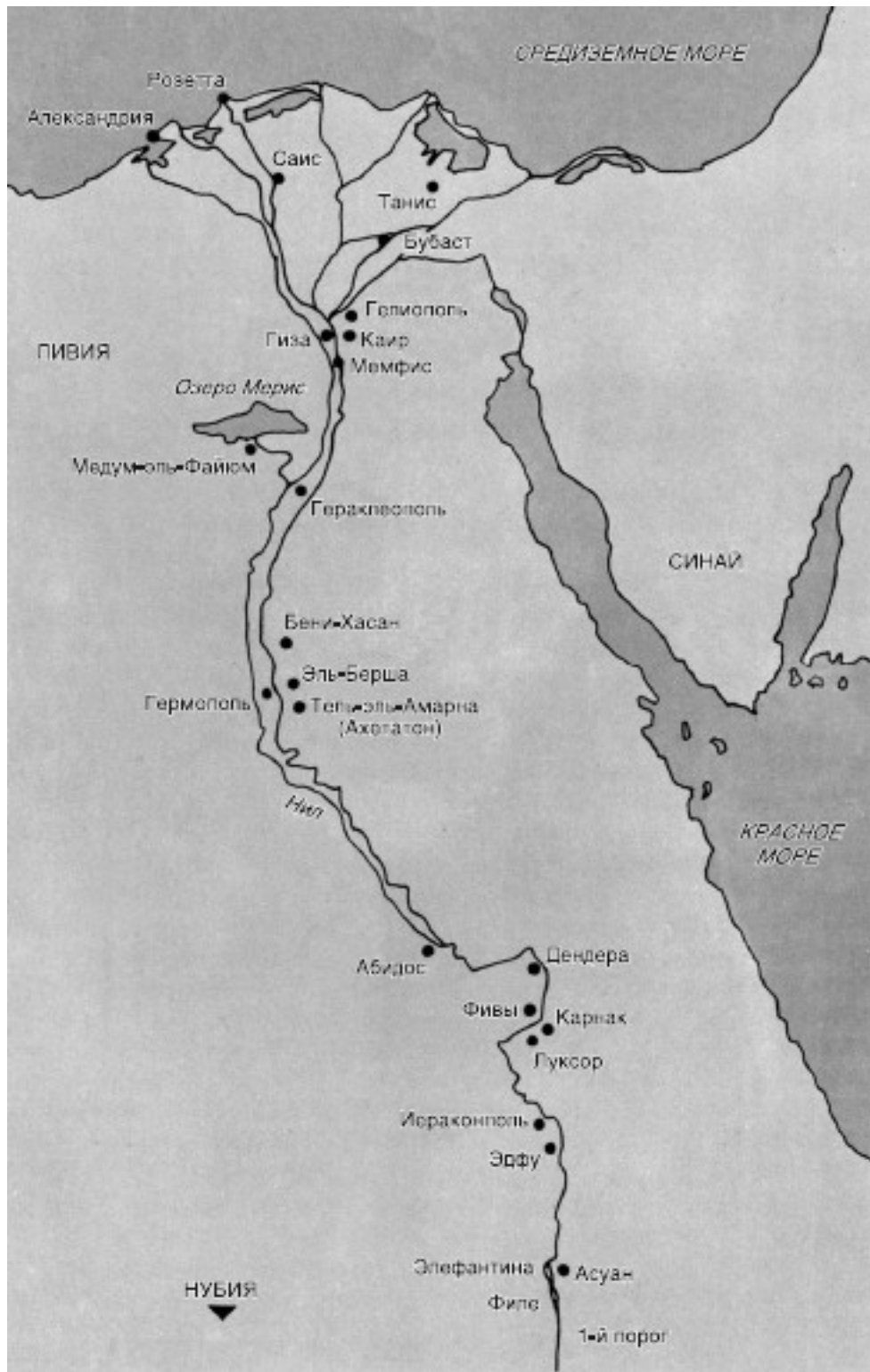
Глава 2

МИР МЕРТВЫХ И ЖИЗНЬ ЖИВЫХ К ЗАПАДУ ОТ ФИВ

Рассказы о мумиях, царях и разбойниках

Наша следующая глава посвящена окрестностям Фив. И хотя для того, чтобы воссоздать картину юных лет Тутанхамона, нам придется отправиться вверх по Нилу в Тель-эль-Амарну, мы постоянно будем возвращаться в этот величественный город и его окрестности с их бесценными историческими памятниками. Изучая эти камни и глыбы, мы оказываемся в XIV в. до н. э., в самом сердце полнокровной и живой цивилизации.

Храм Луксора на берегах Нила ныне напоминает роскошный сад с величественными деревьями. Приближаясь к нему, невольно ощущаешь всемогущество богов и жрецов Египта, немало выгадавших от расточительства фараонов. Луксор, однако, создавался в первую очередь как южная резиденция великого бога Амона, где протекала его личная и семейная жизнь и куда он направлялся во время своего одиннадцатидневного явления на великий праздник Опет. Во время этого путешествия он предстал взорам верующих на роскошной церемониальной барже, отделанной золотом.

Карнак представляет собой скопление разных храмов, лабиринт святилищ и пилонов, его двери и стены покрыты изображениями царей и богов. Храмы и святилища сооружались в честь всех верховных божеств египетского царства. Главным среди них был Амон, чье имя переводится как «Сокрытый», но присутствие которого ощущается повсюду; это он дарует силу и вечную жизнь фараону. Два высоких султана на его головном уборе символизируют его небесное происхождение. Он, таким образом, выступает одновременно и в роли незримого

демиурга в вышних сферах, и в роли земного бога, которому служат его жрецы, получающие от фараона всяческую моральную и материальную поддержку, какую только может желать Амон.

Среди всевозможных изображений фиванских царей одно – украшающее седьмой пилон большого храма – выглядит весьма красноречиво: это изображение Тутмоса III, который семнадцать раз покорял Азию. Он преподносит очаровательной и миниатюрной богине, покровительнице Фив (под эгидой Амона), великое множество врагов, упавших на колени и молящих о пощаде. В другом месте на огромной панели изображена куча золота, удивительных драгоценностей и экзотических фруктов, захваченных во время победоносных походов и преподнесенных божеству данного святилища в качестве благодарственной жертвы.

Каждый египетский монумент хранит память о каком-нибудь событии или важном эпизоде. Располагая столь обширными сведениями касательно правления Тутмоса III, великого завоевателя, исследователи смогли увязать изображение на обелиске, смысл которого подтверждает надпись на постаменте, рисунок на стене фиванского храма и сделанную клинописью надпись, в которой упоминается ассирийский царь Ашшурбанипал. Надпись сообщает нам, что, когда Ашшурбанипал разграбил Фивы, он переправил в свой дворец две колонны (или обелиска), которые установил у ворот храма. Изготовленные из электрона, сплава, на 75 % состоящего из золота, на 22 % – из серебра и на 3 % – из меди, они вместе весили 2500 талантов, 166 650 фунтов, или около 600 килограммов.

Легко представить, какую безграничную власть имели жрецы Карнака над фараонами. Подтверждением тому служат слова царицы Хатшепсут, высеченные на основании ее обелиска в Карнаке:

«... Я сидела в своем дворце и размышляла о создавшем меня [Амоне]...
Мое сердце повелело мне воздвигнуть ему два обелиска из электрона... И моя душа взволновалась при мысли о том, что скажут люди, которые спустя много лет будут смотреть на этот монумент и судить о том, что я сделала...»

Однако царица обнаружила, что ей недостает драгоценного сплава. Она пишет далее:

«Что касается двух великих обелисков, которые мое величество покрыло электроном в честь отца моего, Атона, чтобы мое имя жило вечно в этом храме многие и многие века: они высечены из цельного камня, из твердого гранита, без трещин... Я высказала этим свое почтение Амону, как царь проявляет ее ко всем богам. Я хотела отлить их из электрона [но поскольку это оказалось невозможно] по крайней мере, я покрыла [электроном] их поверхность».

Другими словами, царице пришлось довольствоваться тем, что обелиски покрыли слоем золота только снаружи. Они до сих пор стоят в Карнаке, и в их углах можно обнаружить желобки, в которые золотых дел мастера вставляли тонкие листы электрона.

Мастер Тутмоса III украсил внутреннюю часть собственного погребального храма в Фивах целым циклом рисунков, повествующих о работах, которые проводились под его руководством в мастерских храма Амона в Карнаке. На одном видны два обелиска, и частично сохранившаяся надпись заставляет предположить, что они были изготовлены полностью из золотого сплава. То, что не смогла сделать первая великая царица мира, исполнил ее наследник, пользовавшийся услугами того же мастера. После азиатских походов Тутмос III опустошил сокровищницы завоеванных стран и смог преподнести богу и его жрецам два цельных изваяния из золотого сплава в знак благодарности Амону за помощь. По-видимому, это и есть те два обелиска, которые упоминаются в луврской надписи, каждый из них весит 1250 талантов (83 325 фунтов), и жрицы Фив отдали их Ашшурбанипалу, чтобы предотвратить дальнейшее разграбление города. Только при Тутмосе III Египет обладал таким немислимым богатством.

Несомненно, что этот фараон всем обязан жрецам Амона. С их помощью ему удалось отстранить от власти родную тетку, царицу Хатшепсут, под опекой которой он долгое время

находился. Однако в какой-то момент великий завоеватель решил освободиться от ярма ненасытных жрецов. В самом Карнаке он напомнил им, что власть их не безгранична, используя другой символ, образ еще одного бога, самого сильного из всех богов, – Солнце. В раннединастический период в честь этого божества воздвигали техены – высокие колонны из хорошо подогнанных камней; они походили на цельный обработанный камень, вершину которого увенчивала небольшая пирамида. Техены были единственным объектом поклонения в храмах Солнца во времена V династии (около 2500 г. до н. э.). Позднее эти сооружения приобрели более изящный вид, наподобие игл, изготовленных из монолитного камня, которые попарно располагались у входа в храмы. Когда цивилизация фараонов начала клониться к упадку, греческие торговцы, насмехаясь над странными святынями, символика которых была им непонятна, окрестили их «обелисками» – вертелами.

В конце своего правления Тутмос III решил возвести в Карнаке (в храме, посвященном восходящему солнцу, к востоку от большого храма Амона) один отдельный обелиск. Его предполагалось воздвигнуть не в честь могущественного правителя всего царства Амона, а в честь Солнца. Огромная каменная «игла» не была установлена при жизни Тутмоса, и надпись на ней говорит о том, что после его смерти она осталась лежать около карнакского священного озера. Его преемник, Аменхотеп II, воздвиг новые монументы и статуи во славу Карнака, но не использовал этот обелиск. Однако следующий фараон, Тутмос IV, завершил работу, начатую его дедом, и установил в святилище Амона, в центре двора восточного храма, отдельный обелиск, символ Ра Харахти, восходящего солнца (в настоящее время он находится в Риме).

Действия нового царя встретили отчаянное сопротивление грозного духовенства Фив. Жрецы, которые запросто могли возводить на престол и свергать фараонов, несомненно, принимали активное, хотя не непосредственное участие в братоубийственной вражде Тутмосидов. Однако им, вероятно, пришлось пойти на компромисс с учеными жрецами Гелиополя, которые поклонялись солнцу, иначе каким образом новый наследник престола стал четвертым фараоном из рода Тутмосов? По крайней мере, это вытекает из содержания надписи на монументальной стеле, возведенной у груди большого сфинкса Гизы, обнаруженной после того, как был расчищен песок, накопившийся здесь еще с римских времен. В этой надписи Тутмос IV открыто заявляет, что своим восхождением на трон обязан богу Хармахису.

Из текста на стеле явствует, что будущий фараон первоначально не должен был унаследовать престол. Но вот однажды, охотясь неподалеку от мемфисского некрополя, он заснул в полдень в тени «хранителя некрополя» и увидел во сне Хармахиса (Гора на небосклоне). Бог задыхался, заваленный песком, и сообщил ему, что тот, кто избавит его от невыносимого бремени, станет обладателем двух корон фараонов. Внезапно проснувшись, высокородный охотник погнался колесницу домой и немедленно приказал вызволить бога, заточенного в песках пустыни. Вскоре Аменхотеп умер, и, когда погребальная процессия двигалась по просторному залу среди колонн карнакского храма, статуя бога, которую несли жрецы, заставила их отклониться от избранного пути и приблизиться к молчащему и набожному Тутмосу, стоявшему в темном углу бокового нефа. По указанию бога Тутмос стал наследником трона.

Таким образом, Амон продолжал возводить на трон царей, но Тутмос IV предпочел приписать все вмешательству Ра, богу солнца, которого он освободил от тяжелого бремени. Этот бог в моменты отдыха представал в обличье сфинкса, лежащего на линии горизонта и готового восстать, подобно фараону, когда придет время рассвета. Надписи не лгали: в начале этого века при раскопках была обнаружена стена, возведенная Тутмосом IV, чтобы защитить сфинкса от песков; на кирпичях стояло царское клеймо.

Карнак и его храмы, святилища Египта, хотя с момента их постройки минули тысячелетия, воскрешают прошлое с невероятной живостью и яркостью: глядя на них, невольно переносишься мыслью во времена Нового царства, блистательной роскоши XVIII династии и начала тех грандиозных перемен в одной из величайших в мире религий, которые положили конец

безраздельному владычеству Амона. В священных местах своевольный фараон-мистик бросил вызов верховным жрецам, слепо цеплявшимся за авторитарные догмы и потерявшим всякую связь с быстро развивавшимся обществом.

Временная опала Амона привела к тому, что святилища в городе храмов – оплоте официальной теологии и культа божественной личности фараонов – постепенно пришли в запустение или были разрушены. Пожар уничтожил великолепные деревянные порталы с бронзовыми накладками и повредил каменные перемычки.

По иронии судьбы, после всех этих титанических усилий взойшедший на престол царь-ребенок Тутанхамон по наущению своего хитроумного наставника вернул жизнь заброшенным храмам.

Но не в религиозных центрах Карнака и Луксора следует искать следы и отзвуки пестрой повседневной жизни того времени. Их можно обнаружить на левом берегу реки, западнее Фив, – на берегу мертвых. Там для египтолога прошлое самым причудливым образом сплетается с настоящим. На правом берегу, где древние фиванские дворцы и лачуги были разбросаны беспорядочно между громадными храмами, выросли современные дома, скрыв от нас руины богатейшей столицы Древнего мира. Правда, в последние годы Служба древностей расчистила храм в Луксоре, сняв культурный слой, скрывавший полностью террасу перед высокими трапезиевидными башнями. Теперь стали видны полностью огромные статуи у стен и постамент восточного обелиска; второй такой же обелиск правительство Египта преподнесло в дар Франции в знак заслуг Шампольона. Отныне мы можем любоваться прекраснейшим дромосом, или священным коридором, украшенным сфинксом с человеческой головой; дорога на Карнак, которой пользовались представители последней египетской династии, обрела свой первозданный вид; однако остальной город погребен под современным Луксором.

Поэтому давайте покинем стовратные Фивы, огромные каменные порталы которых все так же возносятся в небо, и пересечем реку в западном направлении. Я часто проделывала этот путь в разное время года и в разные часы, и всякий раз впечатление было новым. Фиванская гора с пирамидальной вершиной казалась нежно-розовой или небесно-голубой на рассвете, горела золотом днем и окрашивалась пурпуром в недолгих сумерках – всегда величественная и прекрасная. Тот, кто хоть какое-то время провел в этих краях, знает, какое удовольствие пересекать Нил в вечной и бессмертной фелюке с залатанным треугольным парусом и белыми подушками на сиденьях. Иногда мальчик становится у руля, и пара гребцов заводит песню под дружные взмахи грубо сработанных весел, но обычно ветер надувает умело поставленный парус – египтяне всегда были хорошими моряками. Когда в конце февраля уровень Нила падает, обнажаются песчаные отмели (знаменитые чесу), на которых местные жители сразу же начинают сажать помидоры и кабачки. Порой встречаешь лодку с крестьянами, поющими под удары даробуки, – возможно, они справляют свадьбу, или громоздкую, неказистую фелюку, битком набитую товарами, лесом, скотом и пассажирами, – паром, доставляющий на другой берег обитателей Курны, Курнет-Мюрай и Эль-Хоха – деревень на западном берегу.

Путешественника, перебравшегося через Нил и не желающего воспользоваться услугами местного такси, поджидают ослы, хотя не всякий способен по примеру местных жителей ездить на них без седла. Здесь редко встретишь придорожные рынки, предлагающие покупателю всевозможные яства, одежды и кувшины из пористой глины, в которых вода всегда остается свежей и прохладной, также едва ли вам попадет телега, укрытая пальмовыми ветками, куда набились женщины в черной парандже или щебечущие, как птицы, девушки в ярких одеяниях. Западный берег спокоен в своем величии: вы ощущаете, что находитесь среди подданных фараона и ступаете по священной земле, в которой похоронены их далекие предки. Но эта волшебная земля также таит в себе несметные сокровища. Полицейский участок расположен около причала, и тот, кто не живет на западном берегу, обязан покинуть его до захода солнца.

Оросительный канал тянется от реки через поля сахарного тростника, хлопка, пшеницы и берсема (разновидности клевера). Вся жизнь в поэтическом египетском пейзаже сосредотачивается в оазисах – в том числе и деревни, которые с равным успехом могли возникнуть тысячелетия назад или совсем недавно, с их пальмами и платанами, ослиами, замусами (речными буйволами) и одногорбыми верблюдами. Прибрежные шадуфы, которые крестьяне по-прежнему используют, чтобы поливать свои поля после окончания паводка, вскоре уступают место сакехам. Терпеливые буйволы крутят эти водяные колеса, мальчик-погонщик с бичом в руке гнусавит заунывную и пронзительную песню под нескончаемый скрип колес.

Первая деревня, которая попадаетеся вам на пути, резко контрастирует со всем окружением. Она построена недавно и пока что не заселена, красивые домики в саидском (южном) стиле, в котором улавливается сходство с нубийскими жилищами, чем-то неуловимо напоминают древние постройки. В 1948–1949 гг. Служба древностей начала строить образцовую деревню, чтобы переселить в нее жителей Курны и тем самым спасти храмы и гробницы фиванской знати от грабителей. Здесь мы вступаем в странный мир: жизнь подступает к границам некрополя и вторгается в него, ибо местные, с позволения сказать, крестьяне, не желающие терять ни клочка плодородной земли, обосновались даже в храмах и гробницах.

За зеленой долиной и развалинами заупокойного храма Аменхотепа III, от которого остались только знаменитые колоссы Мемнона – впечатляющие и наглядные свидетельства исчезнувшего мира, – начинается пустыня. Плодородные почвы внезапно уступают место безжизненным пескам и камню; здесь уже ничто не может расти. Вместо прохладного ветерка с реки, вас обдаёт жаром доменной печи. Это и есть настоящий левый берег, царство фиванских мертвых, где жрецы, бальзамирощики, гробовщики, могильщики и стражи, охранявшие склепы, жили своей жизнью в тени гробниц и монументов, воздвигнутых царями Нового царства: Дейр-эль-Бахри, Рамессеум, Мединет-Абу...

Все это – заупокойные храмы царей, реально похороненных в другом месте. В эпоху XVIII династии подземная часть царского погребального комплекса была отделена от храма, умерших стали хоронить за внушительной скалой Дейр-эль-Бахри, в высохшем русле правого притока Нила, получившем название Долина царей и Долина цариц. По примеру венценосных особ фиванская знать стала возводить свои вечные обители у той же скалы. В роскошных мастабах («гробницах в виде скамей») Древнего царства, сооруженных из известняка, имелись молельни, на фризах которых были помещены цветные барельефы с изображениями бытовых сцен. Когда Фивы превратились в столицу государства и правители стали размещать свои гробницы под естественной пирамидой, возведенной самой природой на вершине фиванской горы, придворные и сановники получили высочайшее разрешение высекать гробницы в склонах. Самые красивые расположены на нижнем уровне, где камень мягче и лучше поддается обработке. Прекраснейшие резные фризы времен правления Аменхотепа III сохранились в знаменитых молельнях гробниц Хемхета, Херуфа и Рамоса. Выше по склону камень худшего качества и не всегда пригоден для резьбы. В этих случаях стены молелен гладко обтесывали и зарисовывали яркими красками, которые и сегодня не утратили своей свежести.

В этих рисунках и барельефах жизнь Фив запечатлена во всех ее проявлениях: знатные гости на царском празднестве, судьи на скамьях, царский писец, исполняющий свои обязанности. Сады, деревья и растения окружают прямоугольные пруды с рыбами; над ними порхают птицы, и у берега цветет лотос. Мы видим садовый шадуф, не изменившийся за тысячелетия, и мастеров, заканчивающих статую или изготавливающих мебель. Строители делают глиняные кирпичи и складывают стену; пастух, красивый как молодой бог, гонит свое стадо домой. Девушка замерла на мгновение, подбирая колосья; батрак просит товарища вытащить из его ноги занозу. Крестьянин спит под деревом, на котором висит его бурдюк, а брадобрей занимается своим ремеслом прямо на поле.

На красочных барельефах или плоских картинах представлены чуть ли не все ремесла; например, золотых дел мастер обрабатывает великолепный самоцвет, а литейщик плавит драгоценный металл. Знатные фиванцы собрались на пир, их убажают хорошенькие девушки, музыканты и танцовщицы.

В каждой гробнице встречаются очередные вариации на одни и те же темы. Две из них, присутствующие с самых ранних времен, – охота и рыбная ловля. Во времена XVIII династии подобные рисунки обретают особое изящество. Владелец гробницы изображен среди зарослей папируса в рыбачьей лодке, сплетенной из ивняка и обтянутой кожей; его сопровождают жена, иногда дети. На одном рисунке он бросает бумеранги в водоплавающих птиц. На другом показано, что он багром поймал двух больших рыб. Долго считалось, что этот традиционный мотив, столь часто использующийся в оформлении молелен, иллюстрирует приятное времяпрепровождение, ожидающее ушедших в мир иной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.